

Расшифровка интервью

Дата: 22.04.2017

00:00:02

Я Кузьбожева Софья Ибрагимовна, родилась в мае 1934 года в городе Казани. Отец мой преподавал в Казанском университете политэкономии, а мама, не закончив химический институт, физико-химический институт, Менделеевский институт в Москве, влюбившись, уехала в Казань, и они жили в Казани.

00:00:58

Софья Ибрагимовна, простите, пожалуйста. Очень чувствительный микрофон. Вот эту штучку вы теревите, и я ее слышу. Давайте я ее уберу просто.

00:01:08

Да-да, да-да-да.

00:01:15

Скажите еще, как их звали полностью, чтобы назвать их.

Отец мой Шикаев Ибрагим Ахметович 1905 года рождения, единственный в Казанском университете преподавал политэкономии на татарском языке. И в 1936, по-моему, году... Он был очень ревнив. У меня мама была симпатичной, он очень ревнив. У них бывали такие, ну если не ссоры, то во всяком случае... Татарин к тому же. У них бывали разговоры такие не очень так... Немножко маму... Ну «обижать» даже тоже не сказать. Ну, в общем, были какие-то трения у них. И в 1936, что ли, году вдруг мама узнаёт, что в Москве — это какой был? 1936-й, наверное, — она узнаёт, что в Москве арестовали отчима. А отчим ее удочерил, он ей был как родной отец. И забрали маму. Она была в Сочи, отдыхала. И она поехала в Москву. Поехала в Москву с надеждой найти, где они находятся.

00:03:00

Еще секундочку, сейчас я вам чуть-чуть поправлю микрофон.

00:03:12

Скажите тоже, как отчима звали?

Отчима звали... Да-да.

00:03:19

И тоже, может быть, какие-то детали, если есть статья, по которой его арестовали, за что?

Да. Значит, она начала бегать по тюрьмам, Бутырка, то, сё. И не было нигде... Она меня оставляла одну и писала записку, что «если я не вернусь»... Ее тогда просто таскали... Что «если я не вернусь, Софу не оставьте». А у нас, жили мы на Спиридоньевском переулке, в двухкомнатных. У нас еще соседи были. Очень толстые стены. И когда там я плакала, она плакала, никто не слышал. А у нас сосед был, милицейский работник какой-то такой крупный. То есть там, поскольку это всё было такое толстенное, ничего слышно не было. И мама стала собирать... Да, отчим, которого она обожала, и он ее обожал тоже, Иосиф Лазаревич Малкин. Чем он занимался? Значит, они с бабушкой уехали в эмиграцию. И в эмиграции бабушка моя была в одной ячейке с Лениным. Вернулись они после эмиграции. Бабушка работала во ВЦИКе. А дед, его послали на юг, в Туркестан. По поводу ковров что-то. То ли заготовок, то ли чего-то в этом роде. Вот. И мама, в общем, по всем тюрьмам бегала, ничего не могла она понять. И в одном месте она уже расплакалась и говорит: «Ну если расстреляли, то хоть сообщите». В общем...

00:05:35

А как она поняла, что расстреляли?

А ее не расстреляли.

00:05:41

Его в смысле.

Нет. Ее не расстреляли. А судьбу отца она вообще не знает.

00:05:46

Нет, вот она сказала, что если расстреляли, то сообщите. Вот как она это почувствовала, что могли расстрелять? Она чувствовала время или?..

Конечно, конечно. Во-первых, у ее родителей была очень большая компания друзей. Это всё были интеллигентнейшие культурные люди. Жили они на Театральной площади, рядом с Большим театром. У них собирались всегда близкие друзья. И поэты там были, и литераторы. Я не могу назвать их фамилии, для меня это был дядя Жора, дядя там кто-то. Вот. И всех начали забирать. Всех начали забирать. Все друг друга стали остерегаться. И в нашем доме, это Спиридоньевский переулок 7, квартира 4, у нас жил какой-то, я не помню, да если не... Нет, не Ягода, конечно, но кто-то из таких высоких политических лидеров. Его забрали. Поэтому уже такое шло страшное время, что, конечно, она у меня толковый, умный человек, она это всё прекрасно видела. Друзей стали забирать повсюду. И в это время она получает сообщение. Да, и они... Она пишет папе письмо, что «я не вернусь в Казань, и я подаю на развод». Он пишет в суд, что «моя жена молода, я против развода и прошу, чтобы развод не доводили до, так сказать, окончания». И мама узнаёт, что его... Это было в «Правде», в московской, о том, что в Казани, в Казанском университете проходил диспут. Проводил Шикаев Ибрагим Ахметович. Диспут не ладился. И поэтому он вопрос политический поставил наоборот. Для того чтобы была полемика, чтобы начались споры. И это сочли оппортунизмом с его стороны. И его забрали, его арестовали. А он преподавал в университете, он преподавал в педагогическом институте, еще в каком-то институте. И я его не знала. Мне уже было, становится больше возраст, и я только видела его фотографии. И вот прошли... Значит, маму должны были выслать из Москвы.

00:08:49

А в связи с чем? Почему?

Связь с родителями. Ну если пострадал отец, мать, пострадал дядька, то естественно, что все родственники, все должны то же самое — быть взяты. Ну, ее спасло только знакомство. Я не хочу называть фамилию этого человека. Он работал в органах. Она продала все вещи, она продала пианино, всё-всё-всё. И она отправила, не знаю, по какому адресу, она отправила сундук деревянный. Это я помню, как мама нагружала туда. Это был мед, масло, алоэ и теплые вещи. Ей кто-то передал, что она там в легком платье, бабушка, уехала. Она это всё отослала в полной уверенности, — а мы сами голодали уже, — в полной уверенности, что это ее, в общем, спасет. И связи никакой больше не было, ничего мы не знали. На работу маму не берут. Живем мы только тем, что она носит вещи в Торгсин. Со знакомыми ни с кем она не общается, все друг друга боятся. И вот уже приходит... Ко мне приезжали какие-то две женщины, уже мне, наверное, было лет пять. И ко мне приезжали, встретили, меня увидели на улице, спрашивают: «Софочка, ты вот такая-то? Папа твой Шикаев Ибрагим Ахметович?» — «Да». Привезли мне куклу, большую, огромную куклу с закрывающимися глазами. А я не поняла, кто это был. А это, в общем, оказалась новая жена отца, они всё-таки разошлись.

00:10:51

Проходят годы, и начинается война. А меня мама отослала, это раньше называлось колонией, с детским садом, от Третьяковской галереи, там знакомый помог, меня отправили в лагерь. То ли это было... Не лагерь, колония это называлось. По-моему, это была Перловка. И вот ночью однажды нас будят, темнота. Наскоро одевают и ведут куда-то на улицу, в темноту, ночь. А на улице так красиво, что-то светится всё, на небе сверкание какое-то. И нас сразу — раз — куда-то под землю. Пахнет землей, сыростью. А это была, это не бомбежка даже еще была, это, в общем, налет был. Был налет, и вот это прожектора были. На следующий день нас всех вывозят, привозят на Маяковскую площадь. Всех родителей... Да, и мама в это время, в общем, куда она ни суется, вот как покажет паспорт и что родилась она в Париже, сразу всюду ей отказ. Всюду ей отказ. Она была очень интеллигентная, она была симпатичная, она была воспитанная, деликатная. С ней разговаривать было очень приятно, она очень культурный человек была, но ее связь, конечно, родители, один взят, второй взят, третий взят, родилась в Париже — разговора не было. И ее берут на скорую помощь, 03, диспетчером. Потом она стала старшим диспетчером. И что из себя представляло в то время 03? Это комната большая, значит, шесть пультов. Два пульта — это старший врач и старший диспетчер, они попере

стоят, и четыре пульта, четыре пульта — обычные 03-диспетчера. У мамы моей был номер скорос... 24.

00:13:17

Это номер подстанции?

Нет, это ее личный номер.

00:13:21

А расскажите побольше, это была какая-то подстанция?

Нет, это центральная.

00:13:27

Это Склифосовского?

Склифосовского. Это Склифосовского. Директором, главным врачом был тогда Александр Сергеевич Пучков. И Александр Сергеевич... Война же идет. Меня, например, мама, уходя на сутки, оставляла дома. И вот я говорю: у нас толстые стены, бомбежка идет, я реву. И я забиралась в платяной шкаф. И потом Александр Сергеевич разрешил детей брать с собой. В этой комнате стоял диван, кожаный, покрытый чехлом, и два кресла. И вот в маминой смене я была единственным ребенком, одним ребенком. А в других сменах еще было то же самое. И когда, значит, были звонки во время бомбежки, скорая не обслуживала больных. И вот я вчера перечитала мамин там... И Пучков говорил только: «Если повесившиеся, обрезать веревку». Больше никакой другой помощи. Он ночью прослушивал их, как они разговаривали. Наутро, если какой-то разговор такой неприятный, не деликатный, резкий, он вызывал к себе и разговаривал с этим [диспетчером]. Вот маме он говорил: «Лёленька, больше бархата в голосе, больше бархата». В общем, она проработала долго на скорой помощи. Все воспоминания... Он так старался их быт улучшить. Столовую им организовал. И вот я вчера тоже прочитала: она говорила, что если через четыре минуты после вызова не открывались ворота и не выезжала машина, значит обеспечен был выговор. В 1947 году... Ну вот бомбежки идут...

00:15:55

Расскажите еще про подстанцию побольше. Сколько там скорых работало?

О нет, это я не знаю. Сейчас скажу, по-моему, где-то я вычитала, 70 машин, по-моему, было. Машины были все ЗИСы, такие удлиненные. Выезжал всегда... Рядом, значит, была с нами комната фельдшеров. На стене висела очень интересная доска. Вот она светящаяся была. Я не знаю, может быть, это и сейчас так. Но когда был вызов, значит, сразу высвечивалось, какая ближайшая подстанция к этому адресу. После смены суточной Александр Сергеевич сажал диспетчеров этой смены на машину. И они ездили по Москве. Он их знакомил... Чтобы познакомиться с адресами, знать Москву. Да. И вы знаете, мама замечательно знала Москву. И когда дочка моя купила машину, ну уже вот в наше время, она говорит: «Так, давай я сажусь с тобой, и мы с тобой поедem по Москве, я тебе буду Москву показывать». И всегда мне говорила: «Где бы ты ни была, поднимай голову и смотри, как называется улица». Но мне это было неинтересно, и только теперь я, конечно, обожаю. Ну не теперь, а я осознала это, теперь я очень люблю Москву, я всегда смотрю название, где мы находимся. Мама меня очень... Мы ходили с ней, она хорошо знала Москву. У нее были адреса ее знакомых. Ходить ни к кому было нельзя, никто ни с кем не общался, мы голодные. Но она меня водила по всем переулкам московским, Арбатский, Никитский. Я тоже хорошо, центр я хорошо знала. Вот. Но всё-таки кто-то вот был, и знаете, я помню, во время войны, во-первых, мы чистили когда мороженую картошку, — мама ездила, продавала хлеб, сколько там было нас, и она продавала, она покупала картошку на это, — и вот картошку почистим, она могла быть мороженая. Клади... Тогда еще было какое-то отопление, а может... Нет, какое отопление? Буржуйка же у нас была, да-да, буржуйка у нас была. Эту буржуйку тоже надо было приобрести, это всё на хлеб было, которого было... говорить нечего. По-моему, у детей было 300 грамм, а у служащих было, по-моему, 400 грамм.

00:19:04

Это было по карточкам, да?

По карточкам, да, карточкам. Вот. И эти карточки в основном отоваривала я, мне уже было сколько? 1941-й, 1934-й, ну вот мне уже семь лет. И когда мама работала, я ехала от Спиридоньевского переулка, маленькая вот такая, порой ехала одна на Садовое кольцо, вот как переулок этот называется... Сейчас скажу... Сама ехала на троллейбусе Б10-м, вот на скорую.

Ну меня уже там все знали, и даже порой вот я смотрю — стоит машина в городе, приехала к кому-то, и я подхожу. Как, знаете, сын полка, так и я была на скорой. И вот: «Ой, Софуля, ты...» Меня там подвезут куда-то. Ну родные были все, все. И еще интересно, знаете, вот они, допустим, едут... Допустим, они едут куда-то там, [на] Хлебзавод или какую-то фабрику, связанную с какими-то продуктами, и в диспетчерскую приходили и приносили сотрудникам что-нибудь такое покушать. Да, это я помню, да. И, значит, на этой буржуйке мы когда готовили, часто было готовили на рыбьем жире. Ой, запах невероятный, кошмарный. И вот уже потом как-то... Нет, потепления не было, ну может быть, это тайком какие-то были всё-таки знакомые... А знаете, вот я нигде не слышу, во время войны были такие брошечки, кругленькие такие брошечки, они флюоресцировали. И вот чтобы люди не столкнулись, ведь светозащитная была кампания, ходили проверяли по улицам, дежурный, чтобы ни щелочки нигде не было. А около нас, в Гранатном переулке, упала бомба. И наш дом пострадал на Спиридоньевском переулке. Были какие-то разрушения, а потом многие уже эвакуировались. И людей из одних домов заселяли в другие дома, уплотняли. Наш дом законсервировали, Спиридоньевски, 4, и перевели нас в соседний дом. И жили мы там на третьем этаже. Соседи, конечно, были старенькие, муж с женой, и были двое, муж и жена. Они были художники. Никогда... Я девочка, вот с дедушкой с этим, с бабушкой, они меня учили в карты играть. А вот эти соседи, Татьяна и Николай они были, я у них никогда не бывала. А моя тетя Женя, она работала декоратором в Большом театре. И у нее была масса всяких украшений. Камушки, брошечки, всё это диковинно было, старинные чашки, старинные лампы, они антиквары были. И оказалось, что вот эти соседи, Татьяна, они стали, — впоследствии я узнала, — они, знаете, с мировым значением антиквары были. Я когда попала к ним в комнату, там все столы уставлены: иконы, предметы антикварного значения, бюсты необыкновенные. Потом они издали каталог даже, я забыла сейчас, как их фамилии, ну, ладно.

00:23:16

Ее тетя Таня звали?

Она Татьяна, а он Николай, она ходила с такими большущими серьгами. Они бытом не занимались, их только интересовал антиквариат. А потом они издали большую... И я вдруг читаю где-то — боже мой, это же мои! Жалко, фамилию не запомнила. Не подумала, что когда-то это может понадобиться.

00:23:39

У вас хорошие были отношения с ними?

Конечно, конечно, конечно. Он ходил в таких стоптанных башмаках, какое-то старое на нем рваное пальто было, без шапки всегда, и зимой тоже. Она тоже такая была какая-то неухоженная, но то, что у них было в этой их большущей комнате, то, что у них там было, это действительно ценности были необыкновенные. Я хочу... К чему я прервалась. Знаете, когда мы приходили к кому-то там, к знакомым, может тайком как-то, и, знаете, они что-то готовят, ну, что-то, какой-то примитив, и всё равно сажали угостить. Я эти карточки отоваривала сама, как меня называли, маленькая хозяйка большого дома. Это надо было бегать по магазинам, где-то что-то выискивать, мясо на сгущенку, если сегодня эти карточки вместо мяса отоваривают сгущенкой. У нас рядом была пекарня, и в этой пекарне выпекали хлеб, и мы часами стояли около булочной и ждали. Когда через дорогу была пекарня, когда вот на лотках несли горячий хлеб в булочную, и мы ждали, какой хлеб сегодня, черный или белый, выгодный или невыгодный, а я думала, хоть бы довесок был, чтобы я по дороге могла съесть. В это время мы уже узнали, это уже да, бабушку освободили, и она находится на Воркуте.

00:25:34

Софья Ибрагимовна, чуть-чуть про бабушку побольше, Вы про нее вообще ничего не сказали, как ее звали, год рождения...

А, да-да.

00:25:43

...почему арестовали, когда. И, может быть, давайте вообще начнем с ее биографии. Где она родилась, как она познакомилась с дедушкой.

О, этого я ничего не знаю.

00:25:55

Ну, там...

Значит, родилась она...

00:25:59

И как звали?

Мария Давыдовна Дорогобет. Мария Давыдовна Дорогобет. Она родилась, по-моему, в Жмеринке. Мама у них была очень простенькая такая деревенская женщина, была еще сестра Елена Александровна Журавлёва. Фамилии разные, отчества разные, крестные разные были. И был брат Яков Максимович, все родные. Я спрашивала: почему у них у всех отчества-то разные? Ну, потому что, мама мне сказала, разные были крестные. Значит, отец бабушки уехал на заработки куда-то в город, наверное в Харьков. И долго-долго пропал. И ей снится сон, что находится в Харькове и что он умирает. И она, оставив детей, едет туда, и всё в точности так и случилось. И он умер. Да, всё так и случилось.

00:27:20

А что с ним случилось?

Этого я не знаю, разговора не было. И дети ее, вот бабушка, сын Яков Максимович и бабушка Мария Давыдовна, они очень рано вошли в революционное движение. Они участвовали... Вторая сестра, Лена, она такая мешаночка была, танцующая и всё прочее. А эти были очень дружны, бабушка со своим братом. И они участвовали в революционном движении, они были активные. И дед... Дядя Яша попадает на каторгу. Попадает на каторгу.

00:28:10

Это ваш дедушка?

Мой будет дедушка... Да, дедушка. Да, дедушка. Да. Он попадает на каторгу. Мать его ничего не знает об этом. Сестра его разыскивает, тоже не может ничего [найти]. И бабушка, вот она уезжает в эмиграцию тут. Уезжает Мария Давыдовна. А, она выходит замуж. Она выходит замуж. Она выходит замуж за... Не могу сказать, мама его никогда не признавала. И вскоре...

00:28:53

Он француз был?

Нет-нет-нет, русский. Они в Жмеринке живут. Они живут в Жмеринке.

00:29:00

А как она уезжает в эмиграцию? Каким образом?

Она уезжает в эмиграцию во время революционного... Ее преследовали. У нее была кличка Смелая. О как, что я вспомнила. Да. У нее была кличка Смелая. И ей сказали, что надо ей, в общем, скрываться. И вот тут она эмигрирует. Одна. И там она знакомится вот с этим Лазарем Моисеевичем, да? Я уже забыла. Лазарем Моисеевичем, да. И они женятся. Рожда... Появляется мама на свет. И они... Сколько-то времени она была с ним. У нее там друзья. И... У них тоже дети. И мы там... Значит, она приехала, когда ей было уже, наверное, лет... Наверное, восемь. Восемь. А она с ним знакомится, она с ним знакомится в Москве. Я ошибаюсь. Она уже одна тут живет, да. Вот. И когда прошла революция, она возвращается в Москву. А у нее еще там остаются друзья, которые позже возвращаются. Это Полонский. Полонский Валентин Осипович. Потом... Сесиль Михал... Нет, не вспомню фамилию. Короче говоря, много там с ней вернулись друзей, которые приехали в Москву. Всех тоже забирают. Когда бабушку забирают, и их всех забирают. А все они собирались у бабушки дома, на Театральной площади.

00:31:06

В каком году всё было?

Сейчас скажу. Значит, ну, когда? Ее забрали в 1936-м, по-моему.

00:31:12

Это бабушку?

Да. Да. А с мужем она знакомится... Так, сейчас скажу, в каком же она знакомится году. Наверное, 1932-й. Я родилась в 1934-м, он уже существовал.

00:31:29

А мама когда родилась?

Мама родилась в 1912-м. В 1912-м.

00:31:35

А вернулись они в каком году?

А вернулись они, сейчас я скажу, она пошла в Инфизкульт. Ей было, наверное, лет 12. И когда они уезжали... Когда они уезжали... Куда же они уезжали? Или она по работе, что... Нет, она за границей, бабушка-то, была. Какой же это год был? Сейчас, может, по ходу я вспомню. В общем, они уезжали... Их не было в Москве. То ли это командировки были, то ли... Нет, это уже не эмиграция была, нет. Бабушка... Нет, их в Москве не было. Потому что бабушка устроила маму в Инфизкульт. А Инфизкульт — это бывшая усадьба... Бывшая усадьба... То ли Юсупова. Земляной вал. Я могу уточнить даже. И вот, вы знаете, я отвлекусь... В 2012 году... Я много слышала про этот Инфизкульт. Когда ее туда определила бабушка, то мама говорила очень по-французски больше. И она сильно грассировала. И ее дразнили. Ее дразнили. Ей там было плохо. Она болела. Прошло много лет.

00:33:12

А что она там делала, в этом Инфизкульте?

Училась. Училась. Это были гувернеры тогда. Это были... Дортуары были тогда. Это...

00:33:23

Это школа была?

Это школа. Это школа была. Французский язык был. И боны были. Да, да. Это всё оставалось еще такое. И в один прекрасный день мама сказала: «Больше не пойду туда». И ее забрала сестра Елена Александровна, которая тоже уже перебралась в Москву. И когда... В 2012 году... Она мне много рассказывала про этот Инфизкульт, как они жили, как там, какие порядки были. Я уже сейчас не могу припомнить в деталях, но ей там было плохо. Вот. И в 2012 году я ей... Да, и я, значит, мне было очень интересно, где это находится. Я еду на этот Земляной вал. Ничего ей не говорю, звоню. И говорю: «Мам, а как мне добраться до этого?» Она мне говорит: «Перейдешь Садовое кольцо, на другую сторону. Там будет мостик маленький. Пройдешь этот мостик, будет церковь. Свернешь направо». И, короче говоря, она мне по памяти [рассказала], она там не бывала с тех пор, я дохожу до этого... усадьбы до этой, она уже в таком заброшенном состоянии была. Я ее нашла, огромная. И я в 2012 году сажаю ее в такси, ничего не говорю. И говорю: «Поедем». Она говорит: «Куда?» Едем. Я ее привожу. Она уже плохо ходила. Я ее привожу на Театральную площадь, показываю ее дом. Купюры денежные. Там был край дома, Театральной площади, где она рядом с Большим театром... Она всегда с благоговением. Мы туда ездили, когда она была на ногах. А вот в этот Инфизкульт — нет. Короче, мы побывали на Театральной. «А теперь, — я говорю, — а теперь ты командуй, как ехать к твоему Инфизкульту». И я ее туда привожу. Вы себе не можете представить, что с ней было. Необыкновенно. Она была счастлива безмерно, она уже старенькая. Она мне начала показывать свои окна, где они гуляли, как они ходили. Как они... Ну, это было... Ой, она мне так была благодарна. Необыкновенно. Ну вот, это отступление. Теперь в сорок каком году...

00:36:15

А может, давайте паспорт покажете, расскажете?

Паспорт? Да, да, паспорт. А я ничего...

00:36:22

Только расскажите какое-то вступление, что в Париже она получила...

Да. По приезде в Москву, по приезде в Москву, я и не знала... Что я, девочка, меня это совершенно не интересовало. У нас у всех паспорта нормальные. Я еще и девчонка, какой [там], у меня и паспорта-то не было. Но только дело в том, что мама рассказывала, что, когда она приходила в любое учреждение, у нее другого документа не было. У нее был вот этот паспорт. И когда...

00:36:53

Покажите нам его вот так.

...она его разворачивала, когда она его разворачивала... Когда она его разворачивала, и сразу все сворачивали его обратно: «Нет-нет-нет-нет-нет. Нет-нет-нет. Париж! Нет-нет-нет». И в общем, ей везде был отказ. Ну, а потом она очень им дорожила уже. Вот тут она его и

подклеила, вот ее фотография. А вот в каком возрасте, смотрите-ка, вот они возвращаются. Вот бабушка, ой, я не посмотрела год. Я не посмотрела год. Подойти, может? Ага, значит, ей тут, наверное, сейчас скажу, ей, наверное, лет восемь. Ну а бабушка, она с 1870 года. Дорогобет, да.

00:37:46

Что там интересного написано, в этом паспорте?

Ой, мама моя, очки. Так, «российское гражданство», «политическая иммигрантка Мария Давыдовна Дорогобет-Журавлева». Во как, сколько... Дорогобет-Журавлева. Так, «отправляется в Россию с дочерью Еленой. Во свидетельство и для... Для свободного проезда от российского генерального», генерального... паспорта, что это? Так, так сейчас. «Во свидетельство и для свободного проезда дан ей от меня», что ли, «сей паспорт с при»... Таисия, нельзя мне очки, а? А, сумка у меня. Значит, «российское генеральное консульство в Париже по уполномочию временного российского правительства», о как. «Показательница сего российского гражданского... Политическая иммигрантка Мария Давыдовна Дорогобет-Журавлева отправляется в Россию с дочерью Еленой четырех лет», о! Четырех лет. Во свидетельство чего и для свободного проезда дать ей от меня сей паспорт с приложением печати российского генерального консульства. Париж, сего»... Мая, что ли? «Июня, второго числа, 1917 год». 1917 год. Да. Генеральный консул Кандауров. О как.

00:40:55

Это какой-то, наверное, французский, да, консул?

Наверное, да. Да. «Фотографическую карточку... Подлинность предъявительницы генеральное консульство удостоверяет за генерального консула» — вот фамилия, Кандауров. Так. «Беспошлинно. Российское генеральное консульство в Париже. Номер 4642. На основании этого документа выдано через комитет удостоверение личности от комиссара Временного правительства под управлением бывшего петроградского градоначальника». А фамилию не прочту. А-та-ков... Не могу понять. Ну вот так. Всё проверили. Значит, ей четыре года всего, понятно. А здесь чего-то еще. А, это всё на французском языке. Да. Вот в двух экземплярах — на французском и на русском.

00:42:31

Там копия?

Тут что? А это что?

00:42:40

Вот это на французском.

А вот это что? Вот на французском вот это. А вот, наверное, на основании этого получен паспорт. А это что? Во втором милиционном участке города. Чего? Какого?

00:42:57

Берницы какой-то. Больницы, может быть. Городской больницы, может, быть.

Московского... Московской? Улицы... 1917 год. Это еще 1917-й. А, это она приезжает, и, значит, удостоверяют ее. Так. А это что? «Заявлен... Бело... Астров». «Седьмого, при приезде». А, это уже при приезде, 5 июня 1917 года. А выехали? Июня. Нет, я уже не берусь тут. Вот. Ну, вероятно уже на основании этого паспорта ей уже дали паспорт русский. Не русский, а советский. Вот. Что еще? Да, в сорок семь... Бабушка наша освободилась. Была на свободном поселении. Да, забрали ее, она, значит, была... работала она во ВЦИКе.

00:44:19

Значит, она вернулась, получается, в 1917 году.

В 1917 году она вернулась, и она работает во ВЦИКе. Кем — не знаю. Каким-то дело-, по-моему, -производителем. Вот. И здесь она уже знакомится со своим отчимом. Со своим мужем вторым, Иосиф Лазаревичем. Иосиф Лазаревич. А я как называла? Моисеевич, да? Иосиф Лазаревич он.

00:44:50

Лазаревич.

Да-да-да. Вот. В каком же это было году?

00:44:57

Лазарь Моисеевич.

Нет-нет, он Иосиф Лазаревич, конечно. И вот в каком? В 1936 году, сейчас посмотрим по документам. Короче говоря, она едет в Сочи отдыхать, и ее там забирают.

00:45:12

А его перед этим забрали?

Это почти что одновременно. Это почти что одновременно.

00:45:19

И что им предъявляют?

О, да кто ж об этом знает? Об этом никто ничего...

00:45:24

В документах тоже нигде ничего?..

Нет, там просто тройка. И потом уже «за недостаточностью улик», когда уже реабилитация. В общем, проходят годы.

00:45:11

А их куда отправляют?

Бабушку отправляют на Воркуту. Идет она этапом. И когда она освободилась... Когда она шла этапом, поскольку она вот так раздетая, уже началась осень — ей [давали] кто варежку, кто носок, кто какую-то кофточку. И когда она уже освободилась, она покупает картину «Владимирка» Репина. Вру, Левитан. Какой Репин, Левитан. Картину Левитана. А я, девочка, смотрю и думаю: ну какая некрасивая картина, ничего она не изображает, пустая дорога. Она говорит, что «это для меня святое». Вот по этой дороге их гнали. И через какое-то [время], ну уже годы проходят, годы проходят, конечно...

00:46:40

Сколько она пробыла в [лагере]? Это была... Это она в лагерь поехала, да, воркутинский?

В лагерь она попадает там. Она попадает там в лагерь, это на реке Усе. Река Уса. И прошли сколько-то десятков, ну 10 с лишним лет, она присылает записку каким-то образом, что она на свободном поселении и ее можно посетить. И мы в 1947 году едем с мамой на Воркуту. Мы едем на Воркуту на поезде, и проезжаем мы станцию Ухта. Мама выходит. Ходит где-то, ходит. Меня надо было прятать. С билетами было безумно трудно. Как ей удалось достать этот билет — это вообще, брали приступом каждый вагон. Третьи полки все заняты, набиты невероятно. При каждом контроле меня перекачивали с одной третьей полки на другую, прятались. Ужасно. Ужасно. Голодуха, конечно. И мы приезжаем на эту станцию Ухта, и мама ходит по перрону, мне ничего не говорит. Ходит, ходит. Потом мы продолжаем дальше путь, приезжаем мы на Воркуту. Бабушка на свободном поселении, у нее каморка какая-то такая подземная. Всё в марлях. Марли, мережки, мережки, из марли всё. И она там работает медсестрой. Значит, голь. Деревца маленькие, морошка, голубика. Но там дети, там люди, там жизнь. Они общаются между собой. Надо было ходить всё время на проверки. Даль... С жуткой... Мы еще приехали, да, мы куда-то приехали, а потом надо было эту реку, Уса, перебираться на лодках. Ужасное, ужасное было путешествие.

00:49:14

На обратном пути... Мы побывали там, наверное, ну вот мамин отпуск. Наверное, месяц. На обратном пути мама снова выходит на станции Ухта, опять ходит, опять возвращается, мы проезжаем, приезжаем в Москву. А за то время, что мама одна, у нее — она была очень красивая, интересная, симпатичная женщина, — у нее было очень много поклонников. И она собиралась... Ну, какой-то был у нее претендент военный, с девочкой, которую я ненавидела. И я сказала: «Если только ты выйдешь за него замуж, я из дома убегу». Убегу — не убегу, это другое дело. Ну, в общем, я ей так сказала. И я прихожу из школы. Сидит какой-то мужчина. Я

его обхожу — и кричу: «Папа!» Это оказался отец. И когда он получил телеграмму о том, что мы едем, он ее получил с опозданием. И рассказывал, что они валили лес в Ухте. Он был бригадиром. И, ну голод, ели только грибы без соли. Пытали, били, зубы вышибли ему все. И он никогда не плакал. А когда он получил эту телеграмму, он плакал. И начальство разрешило ему на три дня приехать в Москву. И вот он приехал. И, в общем, они были очень рады друг другу, и они договорились, что папа забирает нас в Ухту. Я уезжаю с ним, а я уже в шестом классе.

00:51:26

А как вы поняли, что это папа?

По фотографии. По фотографии. Да.

00:51:32

Расскажите поподробнее про встречу. Как он выглядел, как он к вам относился.

Когда он приехал, он был так изможден. Он худой, ну, конечно, плохо одетый. Перед этим, я еще не сказала, моя бабушка вернулась в Москву, но ей нельзя было в Москве жить, она жила в Дмитриеве, за сто километров от Москвы. Но она ночью иногда приезжала к маме и сидела, конечно, взаперти. Она шила, умела хорошо шить. И вот мама через себя брала заказ шить крепдешиновые платья. Платья эти были голубые. И однажды она нечаянно пролила масло на это платье и ее с работы уволили. А у нас ведь в квартире вот этот чин милицейский, так что от него надо было прятаться. Жить ей тут было ни в коем случае нельзя, потому что и мама пострадала бы. И вот приехал папа. Ну, а папа приехал с разрешения, потому что он уже куда-то стукнул, что приехал мужчина, неизвестно какого происхождения. Отца приехали, проверяли. Еще хочу, поскольку коснулась, было такое во время войны положение: ходили по домам, по квартирам, проверяли документы. И мы, дети — сумбурно я говорю, — мы, дети, — вот когда разбомбили дом в Гранатном переулке, — мы ведь жили буржуйками только, мы ходили по улицам, по переулкам (тогда проходняшки были), собирали щепки. Вот я этого тоже нигде не [слышала больше]... Гурченко много пишет о войне, я так согласна была с ней, но вот про эти значочки никогда никто нигде не упомянул и про то, что мы за щепками ходили. На одну щепку мы наваливались впятером, потому что щепки эти были большой дефицит. И с тех пор, я когда вижу, валяются дрова, вы знаете, у меня просто, вы знаете, в душе все поднимается: ой, сколько дров, как топить можно было! Мы за щепочкой бегали. Короче говоря, в 1947 году... Да, как папа, значит. Я когда закричала «Папа!», в объятия. Ох, необыкновенно было. Ой, какая у меня была радость! Как я всем завидовала, у кого пришли с войны отцы, кто мог сказать «папа». У меня папы не было, но я всегда фотографии его целовала. И я не надеялась даже, даже никогда не надеялась, что такое может случиться. Он у нас очень нежный. Как они могли разойтись, я не представляю. Он, во-первых, продолжал маму любить, и они так тепло встретились, и они всё время вместе, они не расставались, они ходили за руку. И я ходила с ними счастливая безмерно, безмерно. И когда он сказал, что «давайте поедem в Москву, в Ухту», я сказала: «С радостью». А я в шестом классе. «Вот как ты только берешь билеты, я сразу еду». И думаю: «Ну, я еду в Ухту, а я учусь на Малой Бронной, в 125-й школе, я там отличница буду». Я, короче говоря, приехала в шестой класс туда. А мама оформляла документы. В ту пору у нас было две комнаты в этой квартире, а Ухтинский комбинат давал бронь на площадь. И надо было эту большую площадь поменять на меньше, потому что ее проще было сохранить. И мы поменялись на улицу Алексея Толстого, в коммунальную квартиру, где комната 14 метров. Мама остается, оформляет документы по обмену площади, бронирует эту комнату и тоже едет в Ухту. Мы приезжаем в Ухту, барачного типа дома, комнатка 12 метров. И мы живем втроем и потом забираем бабушку. Она тоже с нами живет в 12-метровой комнате.

00:57:06

Я иду там в школу, там прекрасная школа. В этой школе все преподаватели в основном Москва, Ленинград и Киев. Это была первая Ухтинская школа, необыкновенной архитектуры, в виде такой звезды деревянной, там же кругом лес, очень планировка необыкновенная. Школа, где были блестящие преподаватели, блестящие, и очень занимались досугом детей. В лесу, в тайге была прорезана аллея, и в конце аллеи был построен Дом пионеров. Руководил этим Домом пионеров бывший заключенный, отчество, фамилию не вспомню, Генрих Адольфович, который был старшим пионервожатым в Ленинграде. Дело было поставлено так, что ни Москве, ни Ленинграду не сравниться. Это кружки, это, знаете, Третьяковская галерея, все копии. Это огромный круглый стол с огромным абажуром оранжевым, где сидели дети, занимались кружками. Это танцы, это рисование, это необыкновенное. У школы была построена горка деревянная, со второго этажа до первого, деревянная, вот где дети по лестнице поднимались, катались, то есть досуг был необыкновенно устроен. Волейбольная

площадка, футбольная площадка, ничего не могу сказать. В Москве на Малой Бронной такой школы не было. Ну, я про преподавателей даже говорить не могу. Это высокоуважаемые люди, и вот эти города брали из ухтинской школы с большими льготами. Или даже без конкурса брали, но попадали все.

00:59:43

Но что я хочу сказать? У нас соседи были вольнонаемные, и, конечно, мы ээки, и мы тоже члены... Квартира не отапливалась, это были печи. Они могли плюнуть в ведро, могли поставить ведро перед комнатой, писсуар. Вот такое отношение было. К тому же отец должен был постоянно ходить в милицию, отмечаться. И поэтому он всегда ходил, потому что могли ни с того ни с сего взять на улице и добавить срок. Жили мы очень бедно, крайне бедно. И ходил он в кирзовых сапогах, худой, имел какие-то деньги, чтобы, если заберут — а таких случаев было много среди его друзей, которых забирали повторно. По городу ходили колонны заключенных на работы, со стрелками, если там какое-то строительство велось. Но город был очень симпатичный, как говорили, «маленький Париж». Он был компактный, маленькие дома белоснежные. Это всё начальство, конечно, было. Был театр, и в этом театре почти что каждый вечер приводили этап, артистов. Там был Названов, я помню, Радунские сестры были из Ленинграда. В общем, спектакли бывали замечательные. Теперь у нас был Сангородок так называемый. Это вот сколько-то километров от Ухты. И в этом Сангородке, в поликлинике... Поликлиника в городе была, но в этом Сангородке сидели врачи, которые, в общем, известнейшие профессора, специалисты, и члены НКВД, родственники ездили лечиться не в поликлинику, а в этот Сангородок. Папа у меня работал экспедитором на Войвоже. Войвож — это такой... Он снабжал лесом строительство. А мама пошла работать на завод НПЗ. Это нефтеперегонный завод. Она, естественно, была вольнонаемная, а там работали заключенные, и она работала с заключенными. Ей надо было брать пробы химические. Среди заключенных она работала, но никто никогда не тронул ее и не обидел, ничего.

01:03:21

Лагерь, который занимался добычей нефти, не помните, как назывался?

Нефтеперегонный завод.

01:03:30

Не-не-не, сам вот лагерь, лагерь с заключенными для этого.

О нет.

01:03:35

Ухтыджлаг [Ухтижемлаг] или как-то...

Наверное так, да, наверное так. И я там учусь до 10-го класса. В 1950 году мои родители вызывают... Да, а я... А нет, это уже да... Да, и я уезжаю поступать в институт. У нас же комната там. Это 1952 год, 1952 год. В 1952 году я еду в Москву учиться. Поступила я в Московский стоматологический институт в 1952 году. И я хожу всё время в прокуратуру. По заданию папы, потому что он всё время пишет туда письма о реабилитации. Но ничего конкретного, ничего. В общем, и отказа нет, и ничего не движется никак. И вот они в пятьдесят каком году, 1955-й, наверное, да, они вдруг уезжают по вызову в Сыктывкар. На самолете, впервые в жизни. И когда они приезжают, они привезли какие-то гостинцы, какие-то вещи, что-то. А что это такое? Короче говоря, папа получает реабилитацию. И реабилитацию получает бабушка. Она едет в Москву, ей дают комнату.

01:05:30

У вас есть документы?

Есть.

01:05:32

Давайте посмотрим.

Можно.

01:05:36

Ну просто прочитайте.

Ага.

01:05:46

А Ухта же вообще была создана ОГПУ.

Да.

01:05:52

Расскажите тоже про это? Чуть-чуть просто, вот как...

Я ничего не могу сказать.

01:05:55

Нет, просто что Ухта была создана для добычи нефти.

Ухта. Да, там была нефть, там был леспромхоз, «Печорлес». Войвож там был. Там был большой кирпичный завод. Там был лесосплав по реке Ухте. [Читает.] Так, «гражданке Малкиной, 30 сентября 1955 года. Гражданке Мал... Прокуратура Союза Советских Социалистических Республик, Москва, Центр, Пушкинская, 15. 30 сентября 1955 года. Гражданке Малкиной Марии Давыдовне, Коми АССР, город Ухта, улица 30 лет Октября, дом 6. Сообщаю, что по протесту прокуратуры СССР 28 сентября 1955 года Верховным судом СССР, постановление, которым вы были осуждены 1 августа 1936 года, отменено и делопроизводство прекращено. Прокурор отдела по спецделам, младший советник юстиции Пирс».

01:07:59

Это вы получили, да? Или они сами получили?

Они получили. А вот вторая, дана, значит... Верховный суд Союза Советских Социалистических Республик, 12 октября, то сентябрь, а это октябрь, 1955 года. «Дана Малкиной Марии Давыдовне 1893 года рождения», вот я забыла, «в том, что определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 28 сентября 1955 года Постановление Особого Соповещения при НКВД СССР от 1 августа 1936 года в отношении ее отменено делопроизводство прекращено за недостаточностью улик для обвинения. За председателя судебной коллегии по уголовным делам Суда СССР Бакшеев». Так, еще по поводу нее. Значит, «СССР, Министерство внутренних дел, управление... Город Воркута, Коми АССР, 26 ноября 1955 года. Справка выдана гражданке Малкиной Марии Давыдовне 1893 года рождения в том, что она действительно с 28 июня 1936 года по 5 октября 1944 года отбывала срок наказания по приговору суда. За период нахождения с 9 сентября 1936-го по 5 октября 1944-го находилась в местах заключения», не знаю, что такое, ИТЛ ПЕ...

01:10:33

Исправительно-трудовой лагерь.

А, да. Исправительно-трудовой лагерь. «ПЯЖ175 и непрерывно работала в совхозе Кочмес при КВУ. С 1936-го по 1939 год — на общих работах, 1940 год — телефонисткой, с 1941-го по 1942-й — сестрой по питанию, с 1943-го по 1944-й — в прачечной в качестве гладильщицы, о чем и дана настоящая справка. Начальник управления Кокутонов». Так. «Дело Военной коллегии Верховного суда Союза ССР». А, это 1956-й. А, вот 1954-й. «Справка. Видом на жительство не служит. Справка. Выдана гражданину» — это отец — «Шикаеву Ибрагиму Ахметовичу, 1905 год рождения, уроженцу города Купянска Харьковской области, по национальности татарину, гражданину СССР, в том, что он 22 мая 1940 года был осужден военным трибуналом к 5 годам ИТЛ. Срок наказания отбыл и согласно указу Президиума Верховного совета Союза ССР от 27 марта 1953 года об амнистии из ссылки на поселение освобожден со снятием прежней судимости».

01:12:56

А там не написано, какая статья, по поводу чего его арестовали?

Так. [Нрзб] Так, ничего нет. «Справка выдана для представления в органы милиции на право получения паспорта. Министр внутренних дел Коми АССР». Это 7 мая 1954 года. Так, «Прокуратура Союза Советских Социалистических Республик, Москва, центр, Пушкинск...» А, это Мария Давыдовна [нрзб], «которым вы были осуждены 1 августа 1936-го... Отменено и делопроизводство прекращено». Ну это так, это мы уже видели. А это? Тоже Малкина. Так, «дело по обвинению Шикаева Ибрагима Ахметовича пересмотрено Пленумом Верховного суда СССР 2 ноября 1956 года. Приговор военного трибунала Приволжского военного округа от 22

мая 1940 года и определение Военной Коллегии Верховного суда СССР от 19 июля 1940 года в отношении Шикаева отменены и дело о нем производством в уголовном порядке прекращено за недоказательностью предъявленного обвинения. Начальник приемной Военной Коллегии Верховного суда СССР полковник юстиции Григорчук. 3 ноября 1956 года. Москва, улица Воровского». То, видно московский, а это вот. Ну вот, кажется, всё. А это что? Да, это мы уже видели, 1954-й, да. А Иосиф Лазаревич, я получила, не нашла только документа о его реабилитации, он был расстрелян. Расстрелян он был в 1938 году. Яков Максимович тоже был расстрелян, а он состоял в обществе каторжан в Москве. Это общество было очень почитаемо. Они имели, государство с ними очень... гордилось ими. И большими почестями они пользовались, и тем не менее его забрали в 1936-м, то же самое, году. Но у меня никаких документов нет. Вот только на фотографии он есть с бабушкой.

01:16:19

А давайте, вот смотрите, еще раз проговорим арест отца, чтобы он прям вот четко был понятен. Где вы тогда жили? Где вы жили, где мама жила?

Иосиф Лазаревич?

01:16:36

По поводу отца. По поводу отца.

Маминого?

01:16:38

Нет, вашего.

Моего? А, угу.

01:16:42

Вот прям чтобы четко это было зафиксировано.

Так, значит, мама уехала из Казани. Значит, я родилась в 1934-м. Она, наверное, уехала... Вот в 1936-м же бабушку забрали, вот она и уехала в 1936-м. Он оставался в Казани. В 1936-м ее забрали, значит, в тридцать... 1936-м.

01:17:13

А уехала без вас или с вами?

Со мной, конечно. Со мной, грудной. Да-да-да. И наши, значит, непонятно, как же так... Родители мамы прочитали статью, что произошло вот с Ибрагимом Ахметовичем в университете, по поводу вот этой дискуссии, это они прочитали. А как же, его, значит, забрали, видно, а срок только дали в 1940-м году? А он сидел под следствием, возможно. Потому что он не в 1940-м попал в тюрьму, а он где-то содержался без обвинения. Или следствие велось, что ли. А потом больше я, дальнейшее я ничего не знаю, это же уже только я в 1947-м о нем узнала.

01:18:11

Вы помните какое-то ощущение от того, что как-то что-то поменялось. На вас лично отразился этот арест? Ну, арест, как на вас это всё отразилось? Или вы слишком маленькая [были]?

Я ничего не могу сказать, абсолютно. Это мне было непонятно, и куда мама ходила, и куда она... Это она уже потом, когда я выросла, она уже мне стала рассказывать, что она ходила, стояла в очередях по тюрьмам. Что ее... Во-первых, ее вызывали на допросы. Она очень много ходила на допросы, ходила на допросы, я оставалась дома одна. Она меня подкидывала то одному знакомому, то соседям, то еще кому-то. И она говорит: «Я не знала, вернусь я или не вернусь». Было, значит, ей предложение, чтобы она... Ее вызывали куда-то, вот я как ни допытывалась [так и не узнала], ее приглашали и предлагали ей сотрудничество. Она должна была рассказывать о людях, которые были ей известны, и ей угрожали арестом. Но...

01:20:03

Это вот это в связи с арестом отца или бабушки ее?

Бабушки, конечно, с дедушкой. Бабушки с дедушкой, да. Ей не на кого было положиться,

некуда было спрятаться, и тем не менее она отказалась. И вот что интересно, когда она ходила на допросы, ей давали документы, которые надо было подписывать. И она подпись свою ставила за точкой. И ее прокурор спрашивает: «Откуда у вас такой опыт, что вы вот... — Фактически она не дает пространства, где бы могли что-то внести. — Почему вы такая опытная?» А она говорит: «А я просто по наитию это делала». И отец, когда он вернулся из лагеря, он не любил рассказывать. И знаете, когда ездили мы на электричке, может быть, он... Он был очень... Он был очень доступный человек, и, вернувшись из лагеря, он всё равно продолжал верить советской власти. Он читал газету «Правда». Он был искренним, искренним партийцем. Его, конечно, вернули в партию, и бабушку тоже, она была членом... Она была в партийной организации при Филатовской больнице. Уже старая, всё равно она ходила, с палочкой всё равно ходила на партийные собрания. И папа тоже. Он работал в Министерстве соцобеспечения, был там на хорошем счету. И вы знаете, он был настолько доверчив... Вот он в метро едет, ставит свой портфель там, где проем на противоположной стороне дверей, а сядет где-нибудь. «Папа, да кто ж так делает? Разве можно, ты около себя, около ноги должен [держать портфель]». Нет. «Всего, — говорит, — 10% [плохих] людей, остальные люди хорошие». Вот остался таким бессребреником. И когда он ехал, где он бывал, когда ему квартиру должны были дать или он ехал в электричке, он рассказывал людям о том, как был в лагере. Вокруг него собирались люди. А это для всех было ново, интересно, и просто они его чуть ли не на руках несли, и вот он вообще был очень доступный, нежный. Ну необыкновенный.

01:22:58

А что он рассказывал про лагерь?

Я не знаю. Я не знаю. Я не знаю. Нам он не рассказывал. Нам он не рассказывал. А может быть, я, знаете, я вот как аист — голову под крыло, я так была счастлива, что они у меня вместе, что он подарил маме жизнь. Она такое испытала, не каждая женщина могла бы такое перенести. Она ужасно... Таскали по отцу, таскали по маме, таскали по дядьке, таскали по папе, по знакомым. Не брали на работу, голод, война, бомбежки. Это ужасно. Как она?.. И маленький ребенок у нее на руках, и мы голодные. И как это можно было выдержать, не знаю. И она говорит: «Я все время себя спрашивала: а хорошо ли, что у меня есть ребенок? Может быть, мне не нужно было ребенка иметь? И в то же время я говорила себе, что это мое спасение, что у меня есть дочка». И я ее, конечно, боготворила. Но я, конечно, обожала своего отца, обожала. Это был редкий, редкий человек. Как таких можно было сажать, когда этими людьми жить надо было? Бессребреники. Честные, честные, правдивые. И вот он говорит тогда... Кто его оговорил, я даже не знаю. И вы знаете, он говорил, что когда допросы были и надо было [отвечать на вопрос] помните вы или не помните, всё нужно только отрицать. «Не знаю, не был. Никаких не помню, не слышал. Нет, нет и нет». Вот я на всю жизнь запомнила: от всего отказываться.

01:25:06

Расскажите про 1953 год, когда смерть Сталина...

О, 1953 год, да. Я была студенткой стоматологического института. Институт у нас находился на Каляевке. И вот мы своей колонной пошли, мы дошли до Петровки. От Петровки мы спустились к Колонному залу. То, что творилось на улице, передать невозможно. Тут мы еще как-то шли. Подождите, мы до Трубной, да? Нет, до Петровки мы дошли. Да, до Петровки, тут мы спускались уже к Колонному залу. А вот тут уже, на Петровке, тут уже был просто кошмар. Тут, значит, стояли машины, они стояли кузовами к этому, к шествию, которое шло. И стояли лошади. И стояли лошади. То, что творилось, какая была душегубка... Люди падали, по ним шли, их каким-то образом... Их никто не вытаскивал даже. Вытаскивать было некому, потому что там руку невозможно было поднять. И когда мы уже дошли, мы растерялись все в разные стороны. Все орали. Крик стоял ужасный, потому что... Даже не столько из скорби, сколько от того, что дышать нечем. И когда мы уже подходили, близко было от Колонного зала, я пролезла где-то между колесами, потому что иначе и выйти невозможно, потому что грудь лошади и копыта ее тут. И я пролезла где-то между колесами машины. Там все было заполнено трупами. И я вылезла как-то, и я оттуда вылезла, я только благодаря этому спаслась, иначе меня бы там заптали, задавили бы. Это было что-то кошмарное. И потом, когда мы уже встретились — этого задавили, этого задавили, это было светопреставление. Все были как в угаре. И когда мы собрались, это 1953 год, остались родственники тех, кто был репрессирован. А, вот тетка моя, мамина тетка. И я пришла в такой скорби: ну как же, Сталин, да как мы будем жить без него и всё. Она говорит: «Замолчи, замолчи. Еще народ узнает, что из себя представлял Сталин». Знаете, у нас Спиридоньевский переулок, а на Алексея Толстого здесь же дворец, не дворец, а Дом приемов. И так меня мама приучила, что его надо... Она всего боялась. Она боялась проходить мимо милиции, она боялась проходить мимо вот этого дома. А это у нас вот тут же дом, вы знаете, вот этот, да, Морозовский дом. И вот у нее тоже такой страх остался на всю жизнь. Вот этот на нашем переулке Вспольном особняк Бериевский. И

вот всё в обход, в обход, в обход, она боялась всю жизнь, всего боялась.

01:28:49

И как-то во мне поселился тоже этот страх, особенно, знаете, когда луна. Когда полнолуние, всегда бывали бомбежки. И с тех пор, когда я смотрю — луна, мне просто страшно, что вот начнется бомбежка. Как-то подсознательно сегодня, как-то подсознательно было. А во время бомбежек мы ходили на площадь Маяковского, в метро. Бомбежки начинались в лунную такую ночь, поздно. Начинал метроном стучать. Мы идем самыми необходимыми вещами. Значит, когда спускаешься в метро, Маяковка, и вот эта платформа, тут стояли для малышей, лежанки были там. А мы шли в туннель, далеко-далеко. Ну вот если ты пришел попозже, значит, ты далеко-далеко уходишь туда. Там деревянные стеллажи на рельсах. И там маленькие, малюсенькие лампочки. И, значит, уходишь глубже, глубже, глубже. Потом, когда кончается бомбежка, весь этот скарб поднимается, все котомки свои забираешь. А это обычно часа четыре ночи. И идем, спать хочется. Я иду с закрытыми глазами, сплю, и меня мама ведет, уже так светать начинает. Очень хорошо помню это. Очень хорошо помню это время. И поэтому мне станция «Маяковская» так дорога, прям как дом родной. Спасала она нас. Ну вот, пожалуй, ребята, всё, что я могу сказать. Есть вопросы?

01:31:03

А как к смерти Сталина отец отнесся? Вообще какое его отношение к Сталину?

Когда они уже вернулись в Москву, бабушка получила площадь на Тишинской площади, комнату в коммунальной квартире, а мы... Да, а мы вернулись, значит, на Алексея Толстого, и маме дают квартиру от скорой помощи в Химках-Ховрино. И мама, и бабушка, у них бывали разговоры, и, конечно же, они во всем обвиняли Сталина, обвиняли Берия. Но у них, вы знаете, у них были политические разговоры, единодушия у них не было, но мне, честно говоря, это было неинтересно, я тогда политикой не занималась.

01:32:03

Это уже после XX съезда было, после критики личности?

Да, да. Так что меня этот вопрос тогда [не интересовал]. Я студентка, у меня совершенно другие интересы. Ну, конечно, папину точку зрения я не разделяла. Потому что он был... У него всё было идеализировано. И он не верил. Ну, в то, что он был взят совершенно на пустом месте. Тогда-то ведь и брали только хороших людей. Вырезали их. Их вырезали, просто вырезали. Они не должны были существовать. А папа мой участвовал в раскулачивании, продразверстке.

01:32:57

В Казани, да?

Да, где-то под Казанью. Он родился... Ох, забыла это место. Он был очень активный, то же самое, рано в партию вступил, закончил он... Красных комиссаров? В Москве что-то такое было.

01:33:26

Он какого года рождения, напомните?

Он с 1905. С 1905. Ой, кажется, все. Исповедовалась. Если что-то еще интересуется и я знаю, говорите.

01:33:54

Давайте немножечко про вас. Какие-то у вас были сложности с работой?

Никаких. Никаких.

01:34:10

А отец или мать, они встречались тоже со своими заключенными уже после?

Да, встречались.

01:34:18

Расскажите, может быть, вот об этих встречах?

Я особенно много не могу... Ой, я забыла их, сейчас. Да, папа... Значит, папа встречался с Марьей Семеновной. Забыла фамилию ее. Он Аксенов, а ее...

01:34:35

Да, да, вот эта. Да, эта, эта, расскажите.

Да, да. Вот она бывала у нас. И папа брал рукописи, которые продвигались, «Крутой маршрут». Ну, тайком от Васи. Потом у нас была Кайгородова, с которой он вместе сидел, Валентина Игнатьевна. Потом у папы там тоже были, конечно, друзья из Казани, тоже партийные работники, я ничего не могу сказать о них. Нет. Это была его компания. Их было много.

01:35:24

А как вы относитесь к Сталину сейчас?

Ну конечно, я его ненавижу. Конечно, я его ненавижу, потому что... Даже не потому, что он делал, а то, что люди жили в испуге. Они жили в ожидании стука в дверь ночью. Люди, которые ни в чем не виноваты. Какие там выдумывали [поводы], разведка, иностранные [шпионы] на Испанию, на Англию. Они духом не слыхали об этом и не принимали участия в этом. Может быть, я не знаю, может быть, какие-то силы были. Мы наивные были, мы считали, что в Москве нет шпионов. И почему вот такая настороженность? Почему они были? А вот в большинстве своем пострадали люди по его подозрительности, он очень оберегал себя, боялся за свою жизнь, был подозрителен, дрожал за свою жизнь и окружал себя людьми, которые ему верили, боялись, не столько верили, а боялись его. Поэтому он окружил себя людьми, у которых он арестовывал жен, близких людей, чтобы не было свидетелей, чтобы он уничтожал одну [часть людей], которые ему служили, за ними вторую, второй слой, чтобы не оставалось свидетелей. Это же изуверство. Это же изуверство. А его любили преданно. Его искренне любили. Во-первых, он хорошо держался, он как-то вызывал к себе уважение вот такой немногословностью, таким вот... Восточные люди, они ведь темпераментные, горячие, а он такой жесткий, говорил мало, четко. И поэтому ему в рот все смотрели. Во время войны его вот это выступление, оно, конечно, подкупило к нему: «братья и сестры» в такую минуту, когда все от этих слов объединились, все думали только о Сталине: он спасёт, он выиграет, можно только ему верить. А люди за него гибли, искренне гибли. А он и тех, которые выжили, которые рисковали жизнью, выбирались из плена, и их он уничтожал, в лагеря посылал и не просто на жительство. Вот они освободились уже, они имеют право быть там где-то на свободе, пусть ужасно, но они жили. А этих он сажал, которые не понимали: «За что? Я же воевал искренне за тебя. И почему я сейчас сижу, и вот эти стройбаты, вот эти издевательства, вот эти... Уже своих, коренных, односельчан... Я выбрался из плена, а такой приказ ведь был, и вы ко мне вот с таким подозрением и посылаете меня опять в штрафбаты, вот эти штрафбаты». Это было ужасно. Это было ужасно. То, что были карточки, то, что был голод, то, что была эвакуация, это всё оправдано, всё правильно. Ну а то, что он уничтожил всех военачальников и мы к началу войны не имели руководства... Когда ему, видите, сообщали о том, что какие-то идут подготовки на границе, он этому всему не доверял и уничтожал людей, которые могли предупредить, насторожить. За что же его любить? Нет, нет, нет. Одно то, что он мог держать около себя вот этого Берия, мало того, что он преступник, даже его личная жизнь, то, что он на улице подбирал вот этих женщин, и Сталин знал об этом, и он этому потакал, и ему это нравилось, хохотал. Мерзавец, мерзавец. Жену свою уничтожил. Нет. А как он их заставлял сидеть ночами? Он же утром на работу должен идти, ему там, будем говорить, прислуживать, а он их, во-первых, поит, и во-вторых, он не дает им спать. Ну это же изувер, изувер. Сказать, что он психически нездоров? Нет, невозможно. Он просто иезуит. Он иезуит, он монстр. Монстр. Единственное... Нет, это даже не единственное. Ну где-то вот какая-то... То, что, вы знаете, ведь раньше... Вот обрывок газеты. Не с его портретом, а с членом какого-то политбюро, где-то — найдут этого человека. Найдут. Как работала тогда эта НКВД. Или телефонный звонок. Из автомата. Найдут этого человека. Вот как была построена работа. Это всё его была работа, потому что его все панически боялись, а потом... Ну можно быть кем угодно, но когда он идет по коридору, а человек должен в нишу спрятаться — и чтобы он его только не увидел, ну как же? Это же не человек. Великие мира сего общаются как-то, а это просто он страх вселял в себя.

01:42:00

Что вы думаете по поводу сегодня такой любви к Сталину возрождающейся?

А знаете, что я вам хочу сказать? Прошли три поколения. И вот когда сегодня говорят о том, что в Америке считают, во время Второй мировой войны победила Америка, вот такое у нас в отношении Сталина. У нас недостаточная работа проводилась, вот ваш музей — это, конечно, островок, и ему нужно работу проводить, потому что у нас многие... Кроме того что

бескультуре нашей молодежи, бескультуре явное, вы посмотрите, как они знают русский язык, какие извращения. Тот, кто руководит этим, это люди уже современные, они не дорожат. Есть, конечно, люди, которые... Знаете, во время войны были сорта картофеля и вообще пшеницы, которые, несмотря на голод, сохраняли, в ужасных условиях, где-то... Не в ужасных условиях, достаточно хороших, но чтобы при ужасном голоде, для того чтобы это сохранить. Отвлекаюсь, это просто для вас. Во время войны у нас была соседка, один Мельтон был с семьей, а вторая была соседка, она была француженка. И ее муж, француз, был отправлен в Азербайджан по уборке табака. Он должен был вернуться, а началась война, и он не сумел вернуться. И вот эта француженка, у нее была большая собака, кавказская овчарка. У нее было две комнаты. И вот одну комнату дали для сохранения этой породы. Да. Она получила на него паспорт, Тоби его звали. Она была худенькая, тоненькая, голодуха, но ей давали рыбий жир на собаку, и ей давали овес. И она имела комнату на эту собаку. Вот как страна берегла тогда породу. А сейчас ничто не дорого. И русский язык не дорог. Да, у нас есть специалисты, но они борются невероятно за чистоту, за сохранение. Но в большинстве своем масса, которым ничего не дорого сейчас, ни русское, ни историческое. Поэтому, не знаю, мне не нравится теперешнее положение. С такой ностальгией мы вспоминаем старину, может быть, все поколения старину вспоминают, но в наше время были как-то четкость, спрос, порядок, люди знали общественную работу, а сейчас шага не шагнут, чтобы не заплатить. А страна-то наша добрая, добрая, отзывчивая, и люди готовы работать. Что, ребята?

01:45:30

Да я... Нет, ну здорово...

Не согласны?

01:45:33

Нет, вы здорово говорите вообще, с вами невозможно не согласиться.

[Невозможно] не согласиться, правда?

01:45:39

Да, очень здорово.

Вот даже, знаете, сейчас пошло волонтерство, волонтерство замечательное. А вот были дружинники, дружинники были. Это ведь замечательное было движение, замечательное движение. А самое главное, что я вам хочу сказать, в чем мы потеряли, мы теряем молодежь. Вот сейчасшная молодежь... Да она уже выросла, эта молодежь, это надо было раньше. Вот в наше время была пионерская организация. Как мы все стремились в пионеры! Ведь если в пионеры не принимают — это горе. Если в партию не принимают — это горе. Ну, в партию много было народа, который не очень стремился, а пионерия — это было спасение. Дети были заняты, ими занимались, по интересам. Вот сейчас, да, есть кружки, но этот кружок стоит колоссальных денег, а у ребенка талант. Этот талант гибнет, потому что у него нет денег. Вот говорят: «Вот у нас Бабкина кружок какой-то открыла». Да разве он бесплатный? Он же стоит огромных денег, а где такие деньги? А дети ищут быть вместе, им хочется быть вместе. Вот у меня мои привели детей в детский центр, где-то около Александровского сада. Они расписывали яйца. Ой, я говорю, какая прелесть замечательная. Но оказалось, чтобы эти яйца расписывать и сделать этот домик, стоит 700 рублей. У меня их две правнучки. Я говорю: «Что, вы купили?» — «Да, купили». 1600. Есть у детей, у матерей деньги такие? «А покупали?», — я говорю. «Покупали». Но это единицы. И вот сейчас, да назовите как угодно эту организацию, но сейчас бесплатно никто не будет работать. А пионервожатые работали. А пионервожатые работали. Они приходили в класс, они рассказывали о культурной жизни, они рассказывали об истории, они собирали их, они шли куда-то походами. Вот это мы утратили. Вот я своей внучке [рассказываю]. Она приходит и говорит, 9 мая должно было [быть], правнучка, и мне рассказывает: «Вот война была». Я смотрю, мои не рассказывают им, дети. И она мне рассказывает, что вот была война и карточки были. О, думаю, уже ее интересует. А ей пять лет. Я ей давай рассказывать. Я ей давай рассказывать, как бомбежки были, как людей на фронт брали, как у нас в доме была собака Алиса и мы, дети, все вместе провожали ее на фронт. Ее санитарной собакой взяли. И она это все запомнила. И она своим детям, в группе у себя, рассказывает. Я говорю: «Яночка, и ты запомнила?» Она говорит: «А что тут запоминать? Конечно, запомнила». Вот это нужно. Я, знаете, очень... Вот была телепередача, которую вела какая-то бывшая статс-дама, о культуре поведения, о поведении за столом. И я читала книжку Мещерской, она тоже была фрейлина, молоденькая совсем. И думаю: вот умрет она — некому это преподавать, не остается это. Элементарные вещи. Вот упало что-то у женщины — мужчина должен наклониться и поднять. Придержать дверь. Войдя в лифт, поздороваться. Мелочи, мелочи. А из этого состоит культура. Это люди, они бы, может быть, и делали, а им никто этого не преподает, их никто не учит этому. Встать, уступить место. Ну, это сейчас уже стало, но

даже, знаете, приезжали когда восточные люди, они безоговорочно вставали, а теперь, глядя на наших, они не всегда встанут. Вот это мы теряем. Думают, что особняки, по две-три машины в доме, достаток — это всё. Весь круг интересов. А это далеко не всё. И так же заболевают, и так же страдают, и это ничего не стоит. Ничего. А вот общность интересов, по интересам, желание помочь, поддержать в трудную минуту, оно как-то такое стало рядовое, расхожее. Теряем, теряем. А мы уйдем — еще хуже будет. Знаете, мы когда, я жила в Донбассе, и там такая традиция: праздники — и там красят дом. Подъезды. Сами, внутри, жильцы. Там было четыре квартиры или шесть. Двухэтажный барак. А сейчас разве выйдет кто-нибудь барак красить? Нет. Сейчас бескорыстно никто ничего не сделает. Это по крупичкам, по крупичкам теряли, а теперь это лавина, которая уже свалилась на нас, которую уже невозможно побороть. Вот так, Вася, вот так.

01:51:54

Покажите нам просто фотографии, назовите, кто там.

Конечно, конечно.

01:51:57

Вот так, на камеру.

А, на камеру?

01:52:00

Да-да-да. Чтобы немножко мы... Просто скажете, кто и...

Так, это моя, это 1957 год уже, Ухта, ноябрь. Это мои мама и папа в Ухте. Значит, вот мы уже 10 лет живем там, в Ухте. Это еще надо было жить там. Копейки, копейки было. Это моя бабушка Мария Давыдовна. Это какой? 1925 год. Она была активная, Смелая — она действительно была смелая. Вы знаете, строили мой дом свой, на копейки. И, знаете, надо было со второго этажа спуститься, и она в ведре спускается со второго этажа. А это она со своим вот Иосифом Лазаревичем.

01:53:01

Вот его почему арестовали?

Сейчас скажу... А, всё потому же. Так, это какой год? Это 1925 год. О, они в 1925 году уже, значит, поженились. Да, да. Это они живут на Театральной площади, у них много друзей, кто сидит пульку расписывает, кто в шахматы играет, у кого-то разговоры. Очень интересная была такая... обществу у них было, все работали они в Кремле, во ВЦИКе. Очень хорошая была [компания]. Умные, красивые, достойные люди. Достойные люди. Так. Это мой папочка. Он был очень похож на Утесова. А я в поликлинике работала, и ему, когда он приходил, раздевальщик ему говорит на ушко: «Вы случайно не Утесов?» Так. А это вот моя бабушка. Это вот она с братом Яковом Максимовичем.

01:54:15

Который тоже был...

И мамин родной отец, мой отец Алексей Осипович Дорогобет. О как. Мама Мария Давыдовна Журавлева-Дорогобет. Мамин брат Яков Максимович Журавлев, политкаторжанин, арестован в 1936-м, расстрелян. По-моему, в Жмеринке или в Виннице он революционером был и улица названа его именем. Да. Ну вот это вот бабушка со своим мужем. 1930 год. Иосиф Лазаревич, Мария Давыдовна, папа репрессирован в 1935 году, реабилитирован в 1955-м посмертно.

01:55:18

Вы получили какие-нибудь компенсации или что-то такое?

Наверное. Наверное. Так. А это что? Малкин. В связи с чем, товарищ, не знаю. В газете что-то пропечатано, а текста нет. «Межраб. Член правления товарищества „Межрабпом-Русь“». Во как.

01:55:49

Это кто там?

Отец. Малкин. Мамин, этот, отчим. Это, видимо, с этого. Ну вот, собственно.

01:56:09

Он тоже был арестован и расстрелян?

Расстрелян был, да, он был расстрелян.

01:56:15

В каком [году] его расстреляли?

Сейчас. Написано тут, нет? Так. Реабилитирован в 1955-м. Нет, не написано, мама пишет, посмертно. Да. Вот всё, чем я располагаю.

01:56:50

А какие-то документы, может быть, вы еще не прочитали, не показали, что-то еще?

По-моему, всё. Всё, что было — всё. До доньшка.